

B.A. Litvinsky

The Bactrian temple of Oxos was discovered and unearthed in 1976–1999 by the South Tajikistan archaeological expedition of Tajikistan Academy of Sciences and the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (director of the expedition: B.A. Litvinsky, detachment head: I.R. Pichikyan).

Many complex and disputable problems were discussed during the analysis of the results (the co-authors of the excavation themselves sometimes had divergent opinions). Some Western scholars took part in the discussion. Of special importance were the observations made by P. Bernard.

Considering the question of the time when the temple was built, B.A. Litvinsky concludes that it was not at the time of Alexander the Great (as I.R. Pichikyan thought), but rather when Seleucus' son Antiochus was his co-ruler in the East, i.e. between 293 and 281 BC.

Analyzing possible relations of the Amu-Darya hoard and the Temple of Oxos, the author proposes the following historical reconstruction. Originally the objects and coins of the hoard were preserved in the temple. In view of approaching enemies (perhaps nomads) the priests buried the treasure by the riverside. After more than two thousand years the river washed away the bank and the hoard was found out. There is also a hypothesis that the temple was founded by the Seleucids in place of an old temple or near it, and its treasure was transferred to the Temple of Oxos. This could explain the abundance of objects from the Achaemenid period.

The problem of Achaemenid and Hellenistic traditions in the Temple of Oxos is also discussed. The idea of several hellenization areas with various extent of hellenization and Hellenistic-Bactrian synthesis is put forward. The last part of the article considers the role of Hellenistic culture and art in the development of post-Hellenistic Central Asia civilizations.

© 2000 г.

И.Н. Медведская

О СКИФСКОМ ВТОРЖЕНИИ В ПАЛЕСТИНУ

В рассказе Геродота о скифском вторжении в Палестину можно обнаружить отголоски трех событий VII в. до н.э.: существование некоей угрозы «с севера» для жителей Сирии и Палестины, осквернение палестинских храмов и экспансия Египта в Палестину. Эти события, сведения о которых дошли до Геродота разными путями, были им истолкованы в соответствии с его концепцией пребывания киммерийцев и скифов на древнем Востоке. Суть ее – в лидерстве скифов. По Геродоту, скифы, завоевав Мидию и распространив свое владычество по всей Азии, пошли на Египет. На пути туда, в Сирии Палестинской скифов встретил фараон Псамметих, уговоривший их не идти дальше. На обратном пути скифы разграбили святилище Афродиты Урании (Геродот. I. 105).

Роль скифов в политической жизни древнего Востока и их военную мощь преувеличил Геродот, а роль киммерийцев свел к минимуму. Подробно рассказывая о скифах, он лишь девять раз упоминает киммерийцев, причем в восьми случаях они представлены изгоями, их отовсюду изгоняют скифы или лидийский царь Алиатт. Один раз Геродот все же сообщает, что киммерийцы дошли до Ионии и захватили

Сарды, но тут же делает существенную оговорку: «Нашествие киммерийцев ... не было длительным завоеванием, а скорее простым набегом для захвата добычи» (I. б. 15). Такое одностороннее толкование скифо-киммерийской истории было, по-видимому, результатом знакомства Геродота только со скифскими героическими преданиями. Киммерийской версии событий ему никто уже сообщить не мог. В. Паркер, показавший, что Геродот знал о киммерийцах гораздо больше, чем рассказал о них в своей «Истории», затруднился назвать причину умолчания Геродота¹. Можно предположить, что Геродот умолчал о киммерийцах потому, что сведения о них оказывались неуместными в свете его представлений о могущественных скифах.

Свое представление о важной военно-политической роли скифов в судьбах стран древнего Востока Геродот перенес на историю VII в. до н.э. реальности VI–V вв. до н.э. В это время скифы – могущественные соседи ольвиополитов, а киммерийцев в Причерноморье нет. Но здесь в среде греческих колонистов могли существовать предания о прежнем обитании на этой территории киммерийцев и последующем их исходе в Азию². Они-то и могли лечь в основу реконструкции Геродота о победе скифов над киммерийцами. Имя скифов прославилось во время неудачного похода Дария I в Скифию в конце VI в. до н.э. Геродот называет причину этого похода: персы, по его мнению, хотели отомстить скифам за обиды, нанесенные ими мидянам (IV. 1). Но мстить за обиду можно было только скифам, ведь киммерийцев здесь уже не было. Вот почему Геродот так настойчиво подчеркивает лидерство скифов уже в VII в. до н.э., повторяет рассказ об их владычестве в Азии и господстве над мидянами. Причина похода, предложенная Геродотом, представляется нелогичной: во-первых, мидяне сами жестоко отомстили за себя скифам (I. 106), во-вторых, мстят персы, которые сами недавно подчинили себе Мидию.

Искусственность построения Геродотом скифской гегемонии над странами древнего Востока очевидна и не вписывается в реальную историю стран региона. Прежде всего это касается Мидии. Отмечу лишь очевидные противоречия. Геродот не знает, что киммерийцы были в Мидии. Согласно Геродоту, «киммерийцы постоянно двигались вдоль побережья Понта» (IV. 12). Скифы, преследуя киммерийцев, заблудились и вторглись в пределы Мидийского царства, когда Киаксар уже одолел ассирийцев и начал осаду Нина. Однако разгром мидийцев произошел не в Ассирии, а у Кавказских гор, затем скифы распространили свое владычество, длившееся 28 лет, по всей Азии (I. 103, 104, 106).

Клинописные источники позволяют восстановить иную картину. Киммерийцы появились в Азии в конце VIII в. до н.э., за сто лет до гибели Ассирии. Скифы известны в Иране не ранее 670-х годов. Они не только не преследуют киммерийцев, но, напротив, выступают совместно с ними. Киммерийцы и скифы, будучи союзниками мидян и маннеев, грабят, например, ассирийские отряды, посылаемые собирать дань; они же совместно совершают военные набеги на ассирийские провинции Бит-Хамбан и Парсумаш³. В конце 670-х годов в Иране вспыхнуло антиассирийское восстание, возглавленное мидийскими вождями. В нем участвовали также маннеи и киммерийцы⁴, о скифском участии в восстании сведений нет. Восстание было успешным: не позднее 640-х годов Мидия завоевывает Урарту, затем Персию и становится политическим лидером в регионе. Мидия в союзе с Вавилонией в 612 г. до н.э. разгромила Ассирию. Анализ военных операций Мидии и Вавилонии в 616–613 гг. до н.э. против Ассирии позволяет утверждать, что лидирующей силой в войне была Мидия. Если накануне восстания в 670-е годы скифы и не пытались завоевать Мидию, а предпочли быть ее

¹ Паркер В. О чем умалчивает Геродот. Заметки о передаче сведений о киммерийцах у греческих авторов помимо Геродота // ВДИ. 1998. № 4. С. 101.

² Тохтасьев С.Р. Источниковедческие проблемы истории киммерийцев: Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 16–17.

³ Starr I. Queries to the Sungod // SAA. 1990. IV. № 65–67, 71. P. 35–40.

⁴ Ibid. № 43–45, 48–51.

союзником, то теперь, когда Мидия перешла к завоеванию Ассирии, они и не смогли бы это совершить. Невозможно совместить мидийскую экспансию и скифское господство. Существенным аргументом против скифского господства над мидиями служит молчание вавилонских хроник о скифах, особенно Хроники Гэдда, которая описывает события 616–609 гг. до н.э. В действительности же мог иметь место военный инцидент на северных границах Мидии и даже локальный успех скифов, который позднее в их героических сказаниях преобразовался в гораздо более крупное по масштабам событие. Причем необязательно, чтобы эти события происходили именно в царствование Киаксара – в эпосе возможны временные смещения.

Клинописные источники расходятся с данными Геродота и в оценке политического лидерства скифов. Начиная с VIII в. до н.э. в течение не менее 75 лет на территории от Ирана и Закавказья до Малой Азии в них упоминаются преимущественно киммерийцы. Скифы упоминаются в течение нескольких лет и только в Иране. Объяснять это только отрывочностью источников невозможно. Клинописные источники описывают современные им события и в целом не отражают значительной роли кочевников в политической жизни древнего Востока за исключением одного случая, о котором речь пойдет ниже. Тем не менее среди многочисленных врагов Ассирии названы именно киммерийцы⁵.

В результате долгого и повсеместного знакомства носителей аккадского языка преимущественно с киммерийцами в нем уже после ухода с исторической арены скифов и киммерийцев, очевидно, сохранился этноним *гимирайя*. В вавилонских текстах VI–V вв. до н.э. этот этноним становится эквивалентом нового для данного региона этнонима *саки*, который фиксируется в древнеперсидских и эламских вариантах ахеменидских надписей⁶.

Очевидно, и Библия сохранила память о лидерстве киммерийцев, назвав Гомера отцом Аскеназа (Быт. 10:3). Обычно эту формулу скифологи рассматривают как подтверждение более позднего появления скифов в Передней Азии. Между тем принципы генеалогического построения Таблицы народов не поняты до конца. Библейский автор, группируя народы по «племенам их, по языкам их, в землях их, в народах их» (Быт. 10:5), другими словами, по этнополитическому, лингвистическому и географическому признакам, эти принципы последовательно не проводит. Специалисты предлагали видеть в Таблице народов принцип различения по хозяйственному укладу жизни – городской, кочевой, островной (т.е. мореплаватели) и даже предлагали различать народы по политическим симпатиям и антипатиям к Иудейскому царству⁷. Хронологический принцип в этой связи исследователями не рассматривается, в формуле «отец – сын» хронологический смысл не заключен. Внутри каждой генеалогической линии, восходящей к одному из трех сыновей Ноя, очевидно, использовался критерий культурно-политического лидерства, существовавший во время составления памятника – не ранее VIII в. до н.э. В каждой из трех групп на первое место поставлены наиболее значительные топонимы, реже этнонимы – все это внуки Ноя. Среди них – Египет, Палестина, африканский народ кушиты, арамейские племена, Элам, Ассирия, Мидия, Лидия, Фригия, Греция. Все эти страны и народы играли важную политическую роль на древнем Востоке в первой трети I тыс. до н.э., и среди них Гомер – киммерийцы. Сыновьями Гомера названы Аскеназ – скифы, а также Рифат и Тогарма – две области в Малой Азии, не игравшие важной роли в политике того времени. В этой формуле в данном случае, очевидно, отразилось военно-политическое лидерство киммерийцев по отношению к скифам, как оно и зафиксировано в клинописных источниках VII в. до н.э.

⁵ Ibid. № 139, 142, 144.

⁶ Против расширительного употребления этнонима *гимирайя* в клинописных источниках VII в. до н.э. см. Медведская И.Н. Заключение по дискуссии // РА. 1994. № 1. С. 129–130.

⁷ Oded B. The Table of Nation (Genesis 10) – A Socio-cultural Approach // ZAW. 1986. 98. S. 14–16.

Итак, древневосточные источники не подтверждают сведения Геродота по ряду ключевых моментов истории региона и расходятся с ним в оценке военно-политического лидерства скифов. Рассказ о вторжении скифов в Палестину – еще один пример искусственности концепции Геродота о скифской гегемонии. Скифы не названы среди врагов Палестины⁸, тогда как в пророчестве Иезекиила (38:6) о вторжении Гога Гомер упомянут вместе с Гогом как ее враг. Пророчество относится ко времени лидийско-мидийской войны начала VI в. до н.э., когда опасались вторжения малоазийцев в Переднюю Азию. Гог (или Гиг/Гигес) умер в 644 г. до н.э., и в этом пророчестве его имя служит общим обозначением лидийского царя, но и киммерийцы в VI в. до н.э. уже не фигурируют. Следовательно, сочетание Гог и Гомер в пророчестве Иезекиила – это память о реальной опасности для Палестины, существовавшей в VII в. до н.э. Именно это подтверждают клинописные источники.

Киммерийцы впервые упоминаются в клинописных источниках в царствование Саргона II (719–705 гг. до н.э.). Тогда они действовали на ограниченной территории к югу от Закавказья, в пределах северных границ Урарту⁹. Начиная с 670-х годов они известны на пограничных с Ассирией землях одновременно на востоке (в Иране), севере (в Урарту), западе (в районе Киликии/Хилакку). Но нигде они так долго не присутствовали, как на западных границах Ассирии. Четыре десятилетия киммерийцы тревожили Ассирию и ее соседей в этом районе. Союзниками киммерийцев в анти-ассирийских выступлениях здесь были мушки-фригийцы, правители Табала и Киликии. В 679/8 г. до н.э. киммерийцы потерпели поражение в Хубишне, области в Киликии: покорение района Киликии было частью завоеваний Асархаддона на западной границе Ассирийской державы¹⁰. Около 675 г. киммерийцы в союзе с фригийцами и бывшим владельцем Мелида (областью к востоку от Табала в Каппадокии, в районе совр. Малатья) Мугаллу угрожали Мелиду, который, видимо, недавно перешел под контроль Ассирии¹¹. Около 670 г. до н.э. киммерийцы вместе с урартума угрожают ассирийскому владычеству в Шубрии, к западу от оз. Ван¹². После этого киммерийцы перемещаются в Малую Азию. Лет на десять Ассирия получает передышку, хотя она и продолжает интересоваться киммерийцами. Их нападение на Лидию вызвало по крайней мере два посольства Гига к Ашшурбанпалу в 667 и в 666/5 гг. и признание Лидией вассальной зависимости от Ассирии в обмен на помощь¹³. В чем выразилась помощь Ассирии, остается неизвестным, но между 665 и 660 годами в ассирийских анналах сообщается о победе Гига над киммерийцами¹⁴. Получив отпор в Лидии, киммерийцы вновь угрожают Ассирии и, по-видимому, даже захватывают часть ее владений, что следует из письма астролога Аккуллану ассирийскому царю в 657 г. Это

⁸ Помимо Таблицы народов скифы еще однажды упомянуты в Библии, в пророчестве Иеремии (51:27) 594 г. до н.э. против Вавилона. Названные им царства скифов, Урарту, Манна находились уже в составе Мидийского царства, которое и представляло угрозу «от севера» (51:48), но не для Палестины, а для Вавилона уже после крушения Ассирии, когда отношения Вавилона и Мидии испортились (*Медведская И. Н. Rez.: Zawadzki S. The Fall of Assyria and Median-Babylonian Relations in Light of the Nabopolassar Chronicle // Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Seria Historia NR 149. Poznań, Delft, 1988 // ВДИ. 1992. № 1. С. 230–231. Прим. 5).*

⁹ Предположение о рейдах киммерийцев в это время в более южные земли, а именно в Манну, основано на единственном тексте, в котором этот топоним восстанавливается: *Lanfranchi G.B., Parpola S. The Correspondence of Sargon II. Pt II // SAA. 1990. V. № 145.*

¹⁰ *Иванчик А.И.* Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII веках до н.э. М., 1996. С. 60–62. Свод текстов 7А (далее – сокращение С), С 8, 9. В прим. 9–13 ссылки на литературу по вопросу см. в работе А.И. Иванчика.

¹¹ *Starr. Op. cit. № 1. P. LVII; Иванчик. Ук. соч. С. 68–71, 77.*

¹² *Иванчик. Ук. соч. С. 77–78; С. 20.*

¹³ Редакция анналов E₂; *Иванчик. Ук. соч. 100–102; С. 44.*

¹⁴ Редакция анналов HT; *Иванчик. Ук. соч. С. 103; С. 45.* Тогда лидийцы послали Ашшурбанпалу подарки и двух киммерийцев – начальников поселений. Значит ли это, что часть лидийской территории перешла к киммерийцам и они могли назначать свою администрацию в лидийские города?

письмо описывает уникальную для Ассирии ситуацию, когда за киммерийцами признается великое могущество (*kiššūtu*), хотя и временное, по мнению астролога. Такое признание означает, что киммерийцы захватили территории, которые ассирийцы считали своими¹⁵. По мнению С. Парполы, приводимому А.И. Иванчиком, это могла быть часть Сирии или провинции Куэ¹⁶. Но не исключено, что это был уже подвергавшийся киммерийским набегам район Мелида в Каппадокии. Именно Каппадокию позднее армяне называли *Gamirk*¹⁷. В любом случае, поскольку киммерийский царь обладает, согласно письму астролога, титулом *šar kiššati* («царь вселенной»), неизбежен вывод, что ему принадлежала определенная часть ассирийских владений. По-видимому, эти владения Ассирия так и не вернула. Иногда о поражениях Ассирии можно узнать, когда в анналах сообщается о ее реванше. В данном случае сообщений об этом не имеется. Напротив, в двух самых последних редакциях анналов ИГ и Н, составленных соответственно в 640 и 639 годах, сообщается, что киммерийский царь Дугдамми, оказавшись в тяжелом положении, «назад... в свою страну вернулся» или «свое войско и свой лагерь он убрал в город Харцале» (местонахождение города неизвестно)¹⁸. В таком случае, по-видимому, именно с этой территории киммерийцы снова вторглись в Лидию и в 644 г. до н.э. взяли реванш – убили Гига и разорили Лидию¹⁹. В 641 г. до н.э. новое противостояние киммерийцев и Ассирии закончилось гибелью киммерийца Дугдамми²⁰. После его смерти нападения киммерийцев на ассирийские границы еще некоторое время продолжались, но успехов они не имели. Об исчезновении киммерийцев сообщает только античная традиция (Геродот. I. 16)²¹.

Таким образом, в 70–40-е годы VII в. до н.э. киммерийцы активно действуют на западных рубежах Ассирийской державы, в состав которой среди прочих стран входили Сирия, Израиль, филистимское побережье, Финикия. Иудея сохраняла независимость. Поскольку угроза вторжения кочевников с севера в сиро-палестинский район на протяжении этих десятилетий периодически обострялась, то и в 620-е годы она была еще вполне реальной. 620-е годы – это начало пророческой деятельности Иеремии, и именно с этим временем исследователи обычно связывают скифское вторжение в Палестину. В словах его ранних пророчеств «от севера появляется беда и великая погибель» или «я приведу... народ издалека» и т.п. (Иер. 1:13–14; 4:6, 29; 5:15–16; 6:1, 22–23) находят подтверждение рассказу Геродота. В это время Вавилон, воевавший с Ассирией за свою независимость, еще не представлял угрозы. Реально угрожал Палестине Египет. В пророчествах «север» не был буквальным указанием на стороны света и обозначал любое место, откуда в Палестину могла прийти беда²². Например, в дни, когда иудеи отвернулись от истинной веры, Господь сказал пророку «иди и провозгласи сии слова к северу, и скажи: возвратись отступница», и если это произойдет, то «в те дни придет дом Иудин к дому Израилеву, и пойдут вместе из земли северной (т.е. проклятой), в землю, которую я дал в наследие отцам вашим» (т.е. обетованную) (Иер. 3:12, 18). «Север» может указывать и на Египет: «слово Господа, которое было к пророку Иеремию о филистимлянах, прежде нежели фараон поразил Газу. Так говорит Господь: вот поднимаются воды с севера и сделаются наводняющим потоком» и далее следует описание нашествия египетского войска (Иер. 47: 1–2). В 620-е годы уже вырисовывалась и новая опасность – мидийская. Мидия стала новой политической реальностью, достаточно агрессивной, чтобы привлечь к себе внимание пророков. Но, по-видимому, в данном случае опыт прошлого –

¹⁵ Там же. С. 103–107; С. 52.

¹⁶ Там же. С. 106.

¹⁷ Дьяконов И.М. Киммерийцы и скифы на древнем Востоке // РА. 1994. № 1. С. 109.

¹⁸ Иванчик. Ук. соч. С. 121–122; С. 48:151–152, С. 49:14.

¹⁹ Редакция анналов А 643/2 г. до н.э. Иванчик. Ук. соч. С. 107–110; С. 47.

²⁰ Там же. С. 121–122; С. 48:158–165, с. 49:29–38.

²¹ В начале VI в до н.э. засвидетельствован наем киммерийцев в воинские подразделения Тира; Diakonoff I.M. Naval Power and Trade of Tyre // Israel Exploration Journal. 1992. 42. P. 169, 181, 174. Not. 34; Иез. 27:11.

²² Drinkard J.T. North // ABD. 1992. 4. P. 1135–1136.

длительная киммерийская опасность в регионе – использовался пророками достаточно долго: Гомер упоминается еще в VI в. до н.э. у Иезекиила. Опасность и могла быть зашифрована Иеремией в слове «север» в 620-е годы. Только это была опасность не скифская, а киммерийская и не вторжение, а лишь его угроза.

Все эти беды предрекаются Иеремией иудеям и израильтянам за отступничество от истиной веры, за идолопоклонство. Иудейско-Израильское царство, созданное Саулом, Давидом и Соломоном, распалось в 928 г. до н.э.²³ на два царства: южное – Иудейское и северное – Израильское. Тиглатпаласар III, Салманасар V и Саргон II завоевали Израильское царство, превратив его в две провинции – Самарию и Маггиду. Филистимское побережье вошло в провинцию Ашдод, однако Иудее удалось сохранить формальную независимость. С конца 630-х годов начался распад Ассирийской державы, и ее власть в Палестине ослабела. Правление иудейского царя Иосии (639–609 гг. до н.э.) было периодом надежд на возвышение Иудеи и даже на присоединение к ней ассирийских владений в Палестине.

Предполагается, что Иудея начала освобождаться от вассальной зависимости задолго до окончательного распада Ассирийской державы, уже в 640-е годы²⁴. Религиозно-политическая борьба за возрождение царства при Иосии, по-видимому, началась уже в 628 г. до н.э., на 12-м году его правления. Она достигла своего апогея на 18-м (622/1 г. до н.э.) году и увенчалась реформой, которой суждено было стать поворотным пунктом в культурно-религиозной и политической истории Иудеи²⁵. Суть реформы состояла во внедрении безусловного единобожия и полной централизации культа Яхве в Иерусалимском храме. Помимо чисто религиозного аспекта реформа должна была служить укреплению царской власти и авторитета Иерусалимского храма и помочь внешнеполитическим амбициям Иосии.

В царствование Манассии (698–642 гг. до н.э.), деда Иосии, возродились ханаанейские и израильские местные культы, расцвело идолопоклонство, апофеозом которого стало установление статуи Ашеры в Иерусалимском храме (2 книга Царей. 21:7). Манассия был покорным вассалом Ассирии и первым царем Иудеи, который ввел в ней ассирийские, арамейские и финикийские культы. Это вызвало сопротивление, и к концу его царствования в Иудее сформировалась антиассирийская партия, стремившаяся к искоренению чуждых влияний и освобождению от ассирийской зависимости²⁶, что и начало осуществляться в царствование Иосии. Благоприятная внешняя ситуация позволила ему начать реформу, которая вылилась в беспрецедентную по масштабам борьбу с идолопоклонством: «И повелел царь... вынести из храма Господня все сосуды, сделанные для Ваала и Ашеры и для всего воинства небесного, и сжег их за Иерусалимом, в долине Кедрон». «И отставил жрецов, которых поставили цари иудейские, чтобы совершать курение на высотах иудейских и окрестностях иерусалимских, и которые кадили Ваалу, солнцу, луне и созвездиям и всему воинству небесному». «И вынес Ашеру из дома Господня за Иерусалим, к потоку Кедрону и истер ее в прах, и разрушил дома блудилищные, которые были при храме Господнем, где ткали одежды для Ашеры» (2 книга Царей. 23). Поруганию подверглась и Ашторет (2 книга Царей. 23:13; Иер. 7:18). Эти действия Иосии распространились и на Израиль. Исследователи расходятся в оценке действий Иосии в Израиле. Одни полагают, что его активность там ограничивалась только религиозной деятельностью, другие – что это было уже присоединение практически покинутых Ассирией территорий²⁷. Согласно 2 книги

²³ *Cogan M. Chronology // ABD. 1992. 1. P. 1010. Tabl. 9.*

²⁴ *Idem. Imperialism and Religion: Assyria, Judah and Israel in the Light and Seventh Centuries B.C.E. // Society of Biblical Literature. Montana, 1974. 19. P. 71.*

²⁵ *Cogan. Chronology. P. 1010; Cogan M., Tadmor H. II Kings // The Anchor Bible. V. 11. Garden City – New York, 1988. P. 298.*

²⁶ *Тадмор Х., Надель Р. Библейский период // Очерк истории еврейского народа / Под ред. Ш. Эттингера. Библиотека-Алия, 1990. С. 79–80.*

²⁷ *Cogan. Imperialism... P. 71. Not. 35; Cogan, Tadmor. Op. cit. P. 293; Mitchell T.C. Judah until the Fall of Jerusalem (c. 700–586 B.C.) // САН. III/2. Ch. 30. 1991. P. 383–391.*

Царей (23:15, 19), власть Иосии распространилась на территорию, более или менее совпадающую с территорией провинции Самария. Составленная позднее хроника утверждает, что борьба Иосии с идолами распространилась по всему Израилю вплоть до земли Неффалим/Галилея (2 Паралипоменон. 34:6, 7, 33). Считается, что это утверждение является поздним, тенденциозным расширением географического ареала реформ. Однако нет оснований исключать Галилею из сферы реформ Иосии и считать, что царь не делал попыток овладеть этой территорией, входившей в ассирийскую провинцию Маггиду²⁸. В любом случае Маггиду / Мегиддо находился севернее Самарии, но именно там в 609 г. до н.э. Иосия встретил войско фараона Нехо – и свою смерть.

Реформы, проведенные в одной провинции, могли быть осуществлены и в другой филистимской земле Ашдоде, где находились города Газа и Аскалон. Намек на насаждение и здесь иудаизма имеется в пророчествах Софонии, который, как и Иеремия, был сторонником Иосии. Его пророчества относятся ко второй половине правления царя. Софония говорит о недостаточности реформы, необходимости дальнейшего искоренения идолопоклонства. В день гнева Господня спасутся только те, кто исполняет его законы. В результате «Газа будет покинута и Аскалон опустеет», «и достанется этот край остаткам дома Иудина, и будут пасти там и в домах Аскалона будут вечером отдыхать» (Софония. 1. 2:3–7). Итак, в Аскалоне и во всем пятиградье будут жить только приверженцы истинной веры. Здесь, очевидно, выражена и конечная цель Иосии – включение этой страны в свое царство. Действительно, комментаторы Софонии считают реальной экспансию Иосии в Филистию²⁹. Кажется уместным привести параллель с событиями конца VIII в. до н.э. Когда другой иудейский царь Езекия (727–698 гг. до н.э.) восстал против Ассирии и начал борьбу с идолопоклонством, первое, что он сделал, – «поразил филистимлян до Газы» (2 книга Царей. 18:8).

Преследование инаковерующих и разрушения храмов потрясли современников и не могли не остаться в памяти у потомков, тем более что борьба против Ашеры, Ашторет/Астарты и других богов закончилась для Иосии трагической смертью у Мегиддо. Пострадавшие не могли не воспринять его гибель как наказание за содеянное, как месть богини. Память об этом могла сохраниться в храмовых легендах, в частности и в Аскалоне, храмы которого возрождались всякий раз и продолжали действовать все последующие столетия. Геродот (I. 105) сообщает, что расспрашивал о святилище Афродиты Урании в Аскалоне, и среди прочего он мог узнать о божественном наказании злодея. Не известно, было ли сообщено ему имя этого злодея (или, может быть, их было много), но примечательно, что Геродот ничего не знает о событиях собственно палестинской истории³⁰. Вместе с тем, как показал В. Паркер, Геродот не мог не знать, в частности, о разрушении киммерийцем Лигдамисом / Дугдамми храма Артемиды в Эфесе, однако «он не был заинтересован» в адекватном рассказе о киммерийском нашествии в Азию³¹. Геродот посчитал эти сведения ложными или неуместными в связи с очевидным для него могуществом скифов (см. выше); но ведь кто-то разрушил храм в Аскалоне – если не киммерийцы, то, конечно же, могущественные скифы.

Память об осквернении храмов в Палестине могли сохранить и передать потомкам также иудеи, бежавшие от преследования в Египет и продолжавшие поклоняться там богине неба еще при фараоне Априя в VI в. до н.э. (Иер. 44). Геродот был в Египте, и отголоски этих событий могли дойти до него, хотя имя Иосии или было забыто, или

²⁸ *Malamat A. Josiah's Bid for Armageddon. The Background of the Judean-Egyptian Encounter in 609 B.C. // JANES. 1973. 5. P. 271.*

²⁹ *Kselman J.S. Zephaniah // ABD. 1992. 6. P. 1077–1080.*

³⁰ И даже Магдол Геродота (II. 159) оказался не Мегиддон/Мегиддо в Палестине, а Мигдол в Египте (Иер. 44:1; 46:14); *Malamat. Op. cit. P. 275–277.*

³¹ *Паркер. Ук. соч. С. 97, 101.*

греческий историк, не знавший палестинской истории, не смог вписать его в исторический контекст. Эта варварская, с точки зрения эллина, акция – осквернение храма богини неба – и была приписана варварам-скифам, что увязывалось с представлениями Геродота о проникновении скифов в страны почти всей Передней Азии.

И последнее. Пожалуй, самым точным в сообщении Геродота о событиях VII в. до н.э. является указание имени египетского фараона Псамметиха и его пребывания именно в Сирии Палестинской. Во времена Геродота вся эта приморская область входила в обширную ахеменидскую сатрапию под общим названием Сирия. Указание на ее палестинскую часть свидетельствует о знании Геродотом истории царствования Псамметиха и всего этого периода в целом. При Псамметихе активизировалось проникновение Египта в филистимскую землю, которое закончилось недолгим завоеванием всей Палестины фараоном Нехо после гибели Иосии. Поэтому прибытие фараона за пределами собственно Египта в рассказе Геродота отражает исторический факт. Однако включение этого факта в рассказ о скифском вторжении в Палестину и встрече скифов с Псамметихом не могло соответствовать действительности: положение униженного просителя было невозможным для фараона. Египет играл в это время важную роль, и фараон был в состоянии справиться со скифами, если таковые встретились бы на его пути.

Таким образом, история пребывания киммерийцев и скифов в Азии в изложении Геродота не согласуется с данными древневосточных источников. Причины этого, по видимому, следует искать в самом творческом методе автора «Истории». Геродот начал писать свой труд как логограф, а кончил его, став «отцом истории». И именно в первой части его труда, в предыстории Греко-персидских войн, откуда черпаются сведения по истории Востока, отражена еще не полностью преодоленная Геродотом специфика метода логографов. Установление исторической истины не было для них главной задачей, они стремились не столько к достоверности, сколько к занимательности; часто их собственные гипотезы могли излагаться как установленный факт. К тому же, если логографы чаще всего ограничивались историей отдельных городов и областей Эллады, то Геродот, собирая сведения о народах всей Азии, не зная языков, часто становился заложником некомпетентности своих информаторов. Его скифо-киммерийская история, воспринимаемая исследователями как историческая реальность, является в значительной степени умозрительной конструкцией, плодом размышлений над услышанным и поисков причин и взаимосвязей событий. Она не может вписаться в историю стран древнего Востока, события которой зафиксировали современники в своих анналах, хрониках, письмах, донесениях, пророчествах и т.д., до тех пор пока каждое из сообщений Геродота не будет подвергнуто «исторической критике»³². Такой анализ возможен только на базе древневосточных источников. Рассмотренный с этих позиций рассказ Геродота о скифском вторжении в Палестину позволяет предположить, что в нем соединены воспоминания о трех не связанных между собой эпизодах истории VII в. до н.э. Причем одного из них – вторжения евразийских номадов – в действительности не было, существовала лишь многолетняя опасность киммерийского вторжения. Не было и покорения скифами Мидии. История же киммерийцев осталась, в сущности, неизвестной Геродоту (или не рассказанной им полностью).

³² Лурье С.Я. Геродот (485–425 гг. до н.э.). М.-Л., 1947. С. 150.

Herodotus' account of the Scythian invasion of Palestine echoes three events of the 7th c. BC. This is, in the first place, some threat from the North to the inhabitants of Syria and Palestine, mentioned in the earlier prophecies of Jeremiah (620ies BC). The data of cuneiform sources and the analysis of geopolitical situation in this region make it possible to assume that under the northern threat the prophet meant the threat of Cimmerian intrusion. In 670–640ies the Cimmerians were active at the western borders of the Assyrian power. But it was only a threat, and not an invasion itself.

An important event of Palestinian life at that time was the religious reform conducted by King Josiah, a decisive attempt to strengthen monotheism and to centralize Yahweh's cult at the Temple of Jerusalem. Subsequent destruction of temples and sanctuaries, of the Canaanite gods in particular (Baal, Asherah and Ashtoreth), and persecution of heterodoxes shocked the contemporaries and were of course imprinted in the memory of the posterity. The motive of punishment for the things done as gods' vengeance to those who does not worship them and defiles their house could have been preserved in temple legends (including Ascalon). It must be emphasized that Herodotus knows Nothing about Palestinian history itself. He thought that the temple legend about the defiled temple of Aphrodite Urania in Ascalon, which he heard, referred to the Scythian barbarians, for defilement of a temple was a barbarian action from a Hellene's point of view. This account agreed well with the idea of the Scythians and Cimmerians living in "Asia". The essence of it was Scythian leadership.

The last point is that Herodotus gave a true account of Pharaoh Psamtik and his possessions being beyond Egypt. Under this pharaoh Egyptian expansion on the Philistine lands of Palestine began, which resulted in a temporary conquest of the whole of Palestine by Pharaoh Necho.

All these events, united in one story by Herodotus, were not connected with each other in reality. There was no Scythian invasion of Palestine.

© 2000 г.

А.Ю. Милитарев, Л.Е. Коган

ОБ АГРОБИОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ В ДРЕВНЕЙ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

*(Термины «опылять» и «прививать» (растения) в языке древних семитов IV – начала III тыс.)**

Игорь Михайлович Дьяконов, являясь одновременно историком древности и перво-бытности и лингвистом-компаративистом, одним из первых начал привлекать лингвистические данные для реконструкции дописьменных культур. Настоящая статья, разрабатывающая это междисциплинарное направление, – дань его памяти. Она написана младшими соавторами И.М. Дьяконова, представляющими два поколения его неформальных учеников.

Цель статьи – привести лингвистические доказательства следующих утверждений:

1. Значение 'опылять (растения)' глагольного корня *rkb*, засвидетельствованное в нескольких семитских языках – аккадском, постбиблейском еврейском, иудейском

* Исследование проведено в рамках проектов, поддержанных Российским гуманитарным научным фондом (код проекта № 99-04-00177а) и Российским фондом фундаментальных исследований (код проекта № 99-06-80349).